

Патрушев Сергей

A romantic scene between a man and a woman in a medieval setting at sunset. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a black leather tunic with a dark, patterned cape. He looks intensely at the camera. The woman, on the right, has long, wavy brown hair adorned with a small green flower. She wears a vibrant green, off-the-shoulder dress with white lace trim on the sleeves and neckline. She rests her hand on the man's chest and looks towards the camera with a soft expression. They are standing on a cobblestone street in a medieval town, with half-timbered buildings and warm street lamps visible in the background. The sky is a mix of orange, yellow, and blue, with the sun setting behind them, creating a soft glow.

16 воспоминаний любви

Сергей Патрушев

16 воспоминаний любви

<https://litres.ru/74522012>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, сожжённом войной и поглощённом разумным Лесом, Дарья — простая травница, а Эйден — кибернетическое оружие Континента. Их встреча в радиоактивных пустошах запускает цепь событий, меняющих законы физики и саму суть человечности.

Это история о любви как форме безумия: она лечит его ржавчину слезами и лавандой, он вырезает части собственного мозга, чтобы не сойти с ума от страха её потерять.

Пройдя через предательство памяти, фантомные боли и холод равнодушия, они учатся быть людьми заново.

Содержание

Глава 1. Вкус пыли и розмарина	4
Глава 2. Танец теней на стенах	20
Глава 3. Кольцо из коры	40
Глава 4. Дождь, который смысл всё	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Патрушев

16 воспоминаний любви

Глава 1. Вкус пыли и розмарина

Память — это не прямая дорога, а лабиринт из запахов и тактильных ощущений. Дарья поняла это давно, еще до того, как мир треснул по швам, обнажив гниль под позолотой имперских шпилей. Сейчас, сидя на краю проржавевшей крышки заброшенной насосной станции и глядя на то, что осталось от Великого Леса, она знала: если закрыть глаза, она не увидит лица Эйдена в деталях. Она забудет точный оттенок его глаз или линию скул. Но она никогда не забудет, как пахнет спасение.

Оно пахло пылью и розмарином.

Тот день выдался аномально жарким для середины осени. Солнце, обычно скрытое за вечным смогом Столицы, палило так яростно, словно решило выжечь последние остатки зелени перед наступлением мертвых сезонов. Дыхание пересохло во рту, язык прилип к небу. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась Пограничная Зона — выжженная пустошь, утыканная скелетами недостроенных башен и остовами машин, которые бросили здесь лет сорок назад, когда иссякла энергия старых реакторов.

Дарья спустилась сюда одна, нарушив прямой приказ коменданта восточного форта. Ей нужен был живой розмарин. Не тот сухой, серый порошок, который выдавали по талонам раз в квартал для дезинфекции воды, а настоящий, маслянистый, цепляющийся корнями за трещины в базальте. У младшего сына кузнеца начался гнойный кашель, и старая Марта сказала, что только сок свежего стебля может вытянуть лихорадку. За горсть таких стеблей в лазарете можно было купить морфий. За два пучка — пропуск в Верхний Сектор, где еще теплились гидропонные сады аристократии. Дарье не нужны были ни морфий, ни пропуска. Ей нужно было просто спасти ребенка.

Она нашла заросли на самой границе мертвого леса. Деревья там стояли черные, похожие на окаменевшие ребра гигантского зверя, но у их корней, вопреки всякой логике, пробивалась жизнь. Розмарин тянул свои жесткие иглы к раскаленному камню. Его аромат — резкий, хвойный, почти медицинский — бил в ноздри, перебивая сладковатый смрад гнили, идущий из чащи.

Дарья срезала стебли старым керамическим ножом, стараясь не повредить корни. Пальцы ее, привыкшие к грубой ткани форменных перчаток, ныли от напряжения. Колючки впивались в кожу, оставляя капельки прозрачного сока. Она работала быстро, низко пригнувшись. В Пограничной Зоне звук разносится слишком далеко, а те, кто живет в черных лесах, отлично умеют считать шаги.

Первый сигнал опасности пришел не через уши. Это была абсолютная, звенящая тишина. Умолкли даже цикады. Исчез ветер. Воздух стал густым, тяжелым и горячим, как перед ударом молнии. Дарья замерла, прижимая к груди влажный пучок травы. Ее взгляд метнулся к черным стволам. Тень одного из них дрогнула, хотя солнце стояло неподвижно.

Они вышли бесшумно. Двое. Третий остался в тени деревьев, лишь сверкнув белками глаз. Они не были похожи на лесных дикарей-одичалых, которых боялись патрульные. На них были шкуры, кости и грязь. Эти же носили обрывки городской униформы — плотную синтетику цвета мокрого асфальта. Одежда висела на них мешками, тела казались непропорционально длинными и узловатыми, будто суставы двигались в обратную сторону. Их лица скрывали маски из плетеной металлической сетки, сквозь которую невозможно было разглядеть черты. Из-под масок доносилось тихое, влажное шипение, похожее на работу сломанного клапана.

Один из них шагнул вперед. Под тяжелой подошвой его ботинка хрустнуло стекло. Звук показался Дарье пушечным выстрелом.

— Травница, — проскрежетал голос из-под сетки. Он звучал сразу отовсюду, отражаясь от камней. — Ты берешь кровь земли без спроса. Лес этого не любит.

Дарья медленно поднялась. Ноги дрожали, но спину она держала прямо, как учил отец-военный. Бежать было бесполезно — догонят в три прыжка. Кричать бессмысленно —

до ближайшего поста лиги две мили по открытой местности, заметят издалека. — Я беру только старые стебли, — ответила она, удивившись тому, как ровно звучит ее голос. — Корни целы. Ребенок болеет.

Существо издало булькающий смех. Оно сделало еще один шаг, сокращая дистанцию. Теперь Дарья чувствовала исходящий от него запах — озон, жженная проводка и сладкий трупный яд. — Дети умирают каждый день. Такова цена равновесия. Оставь траву. И оставь свою воду. Мы проводим тебя к лесу. Там ты станешь тише.

Он протянул руку. Перчатка щелкнула механическими суставами. В этот момент Дарья сделала единственное, что могла сделать загнанная в угол женщина, чьи руки заняты пряностями. Она швырнула им в лицо весь свой розмарин.

Пучок рассыпался зеленым облаком. Жесткие, сухие иглы ударили по сетке масок, забились в сочленения шейных пластин. Существа отшатнулись, издав уже не человеческое, а змеиное, рассерженное шипение. Они замахали руками, пытаясь очистить фильтры. Запах хвои и эфирных масел оказался для них невыносим — они привыкли к сере и разложению.

Этих трех секунд хватило бы опытному бойцу, чтобы сорвать с плеча импульсную винтовку. Но у Дарьи не было оружия. У нее были только голые руки и паника, бьющаяся в горле, как пойманная птица. Она развернулась и побежала.

Бежала она глупо, зигзагами, пытаясь в полах своей длин-

ной куртки, спотыкаясь о щебень. Сердце колотилось где-то в ушах. Легкие горели. Она слышала их за спиной — их бег был легким, пружинящим, нечеловечески быстрым. До черного леса оставалось десять шагов. Если они затянут ее под кроны, свет солнца исчезнет навсегда, и эти длинные пальцы сомкнутся на ее шее.

Мир сузился до пыльной тропы под ногами и боли в боку. Она уже видела впереди провал оврага, спасения в котором не было.

А потом время остановилось.

Впереди, между ней и краем обрыва, воздух пошел рябью. Не марево от жара, а нечто иное — геометрически правильное искажение пространства, похожее на трещину в стекле. Рябь уплотнилась, потемнела, и из этой пустоты шагнул человек.

В первую секунду Дарья приняла его за очередного монстра. Он был высок, закутан в тяжелый плащ из плотной черной ткани, которая совершенно не подходила для дневного зноя. Капюшон был наброшен глубоко на лицо. Но главное — он не источал запаха смерти. От него веяло холодом. Стерильным, металлическим холодом операционной палаты.

Монстры, бежавшие за Дарьей, тоже увидели его. Их шипение сменилось утробным рычанием. Они разом замедлили бег, растекаясь в стороны, обходя незнакомца по дуге. Тот, что шел первым, выставил вперед руку. Из его ладони вырвался тонкий луч слепящего белого света.

Незнакомец не достал оружие. Он просто сделал едва уловимое движение корпусом влево. Лазерный разряд прошел в миллиметре от его плеча, испарив камень там, где он стоял секунду назад.

Движение человека показалось смазанным. Дарья моргнула, пытаясь сфокусировать зрение, слезящееся от пота и пыли. Незнакомец качнулся, словно маятник, преодолевая расстояние, которое человеческий глаз не способен зафиксировать. Его правая рука, затянута в тонкую кожаную перчатку, взметнулась вверх. В ней не было пистолета. В ней был металл.

Клинок возник из ножен абсолютно беззвучно. Он не блеснул на солнце сталью. Само лезвие казалось сотканным из застывшего северного сияния — глубокого, пульсирующего синего цвета, внутри которого кружились снежные вихри. Когда клинок пересек траекторию лазерного луча, свет не отразился — он просто умер. Поглотился синим огнем, как вода впитывается в песок.

Первый нападающий рухнул на колени. Его голова осталась на плечах, но тело ниже шеи перестало существовать. Оно осыпалось вниз серым пеплом, который тут же подхватил внезапно налетевший горячий ветер.

Второй вскинул странное трубчатое оружие, напоминающее органическую трубку. Раздался хлопок, и в воздухе повисла сеть из липких, шевелящихся нитей. Незнакомец вошел в эту сеть, не замедлив шага. Синее пламя клинка плес-

нуло вбок, разрезая нити. Те вспыхнули ядовитым зеленым пламенем, не оставив после себя даже дыма — только запах озона усилился стократно.

Лезвие описало короткую дугу. Фигура второго нападающего сложилась пополам, словно марионетка, у которой обрезами нити, и беззвучно упала в пыль.

Третий, самый умный, не стал атаковать. Он метнулся обратно к деревьям, растворяясь в тенях с невероятной скоростью.

Дарья ожидала погони. Ожидала, что синий огонь сейчас пронзит черный лес насквозь. Но незнакомец остановился. Пламя на его клинке погасло так же мгновенно, как и вспыхнуло, втянувшись обратно в гарду. Металл снова стал матовым, тусклым. Человек тяжело оперся на меч, воткнув его острием в сухую землю. Плечи под плащом опустились. Он дышал часто и шумно, выпуская пар в раскаленный воздух.

Только теперь Дарья заметила, как сильно он ранен.

Его левая нога, видневшаяся из-под задравшегося края плаща, была распоротая от колена до бедра. Плотная ткань пропиталась кровью, став почти черной. Кровь была обычного алого цвета, земного, и это почему-то поразило Дарью больше всего. Она ожидала увидеть кислоту или ртуть. А увидела обычную человеческую боль. Мужчина пошатнулся. Правая рука, сжимавшая эфес, побелела от напряжения, но ноги отказывались держать вес тела.

Инстинкт самосохранения кричал ей бежать. Этот чело-

век только что убил двоих существ, против которых гарнизонный взвод продержался бы минут пять. Он опаснее любого лесного хищника.

Но Дарья смотрела на его рану. На то, как стремительно уходит краска с его лица, превращая кожу в пергамент.

Она шагнула вперед. Потом еще раз. Гравий скрипел под ее подошвами, и этот звук казался оглушительным в наступившей тишине.

Мужчина поднял голову. Сквозь тень капюшона она все равно не могла рассмотреть его лица, но почувствовала тяжесть его взгляда. Он смотрел на нее оценивающе, сканирующе, как хирург смотрит на опухоль. Затем его взгляд скользнул по ее рукам, все еще сжимающим спасшийся в заварухе единственный целый стебель розмарина.

— Они шли за тобой, — его голос был лишен модуляции, ровный и глухой, как из закрытого шлема. — Тебе повезло, что мой маяк сработал на частоту их порталов. Еще тридцать секунд, и ты бы стала удобрением.

— Вы ранены, — сказала Дарья вместо ответа. Она подошла вплотную. От него действительно пахло пылью — горячей, въевшейся в одежду, смешанной с запахом озона и свежей крови. Совершенно неаппетитный букет. Но страха не было. Было странное, иррациональное чувство узнавания, будто она всю жизнь ждала именно этого момента и этого запаха.

— Царапина, — отмахнулся он, попытавшись выпрямить-

ся. Колено подогнулось, и он упал бы лицом в камни, если бы Дарья инстинктивно не подставила плечо.

Она оказалась гораздо крепче, чем выглядела. Мышцы предплечья, закаленные годами сбора корней и таскания тяжелых корзин, приняли на себя часть его веса. Он был тяжелее раза в полтора. Жар его тела сквозь промокшую ткань плаща обжигал кожу.

— Здесь недалеко есть пещера, — выдохнула Дарья, переноса центр тяжести на себя. — Старая дренажная шахта. Сухо. Нужно промыть. Иначе начнется сепсис.

— Мне нельзя... в замкнутые пространства, — прохрипел он, сопротивляясь ее движению. — Датчики слежения...

— Ваши датчики слежения стоят вам литра крови, — отрезала она, дергая его вперед. — Шагайте, пока не потеряли сознание. Или я вас здесь брошу, и ваши дружки закончат начатое.

Это была ложь. Она бы не бросила его ни за что на свете. Страх ушел окончательно, смытый волной острого, почти болезненного сострадания. Перед ней был не бог войны со сверкающим мечом, а истекающий кровью мужчина, которому больно дышать.

Пещера оказалась неглубокой промоиной в склоне оврага, скрытой зарослями перекасти-поля. Внутри царила благодатная прохлада. Свет проникал сюда только через узкое входное отверстие, создавая причудливую игру теней на стенах, покрытых кристаллами соли.

Дарья помогла ему опуститься на относительно чистый выступ камня. Он прислонился спиной к стене, запрокинув голову. Капюшон съехал на затылок, открывая лицо.

У него были острые, высокие скулы, выдающийся подбородок и губы, плотно сжатые от боли. Но самым странным были его глаза. Радужка имела тот же глубокий индиго-синий цвет, что и угасшее пламя его клинка. Взгляд был пугающе ясным, несмотря на бледность.

— Сядьте смирно, — скомандовала Дарья, скидывая с плеч рюкзак. — Буду промывать вином. Щипать будет адски.

Она достала флягу с дешевым техническим спиртом, разбавленным местными ягодами. Спирт вонял сивушными маслами, но другого антисептика не было.

— Меня зовут Эйден, — вдруг сказал он, наблюдая, как она расстегивает ремешки на его сапоге.

— Дарья, — коротко кивнула она, сосредоточенно стаскивая с него тяжелый ботинок. Повязка намокла и присохла к ране. — Будет больно, Эйден. Очень.

— Боль — это иллюзия нервных окончаний, — ответил он, но Дарья заметила, как напряглись жилы на его шее.

Она взяла нож. Не боевой кинжал, которым он только что разделявал убийц, а свой маленький, туповатый садовый инструмент. Обработала лезвие спиртом.

— Закройте глаза, — попросила она.

Он послушно смежил веки. Ресницы у него оказались неожиданно темными и густыми.

Дарья начала аккуратно разрезать штанину. Ткань не поддавалась, напивавшись засохшей кровью. Пришлось приложить силу. Когда последний лоскут отошел в сторону, Дарья невольно сглотнула. Рана была глубокой, чистой, с обожженными краями — похоже, одно из существ успело полоснуть его своим энергетическим оружием до появления синего меча. Мясо было сизым, воспаленным. По краям начали проступать темные пятна некроза.

Она открыла флагу. Резкий запах дешевого алкоголя ударил в нос.

— Готовы? — Делай, — выдохнул он.

Дарья плеснула спирт прямо в развороченную плоть.

Эйден не закричал. Он выгнулся дугой, вцепившись пальцами в камень так, что побелели костяшки. Из горла вырвался сдавленный, животный вой, который он тут же подавил, закусив губу до крови. По лицу градом катился пот, смешиваясь с пылью и превращая ее в грязь. Его синие глаза распахнулись, встретившись с глазами Дарьи. В них плескалась агония такой силы, что у девушки перехватило дыхание.

Она выдержала этот взгляд. Продолжая лить едкую жидкость, она свободной рукой схватила его ладонь.

— Держите, — прошептала она. — Сожмите мою руку так, как хотели бы сжать их глотки.

Он не отреагировал. Тогда Дарья сама вложила его ледяные, дрожащие пальцы в свою теплую ладонь.

Их кожа соприкоснулась впервые.

В этот момент мир перестал существовать.

Для Дарьи это не было романтическим штампом из запрещенных довоенных романов. Это был физический шок. Через точку контакта пальцев прошла волна тока. Холод его кожи, несущий в себе эхо металла и вакуума, столкнулся с ее живым теплом. Она почувствовала вкус железа на языке. Почувствовала вибрацию далеких звезд. Почувствовала, как работает его сердце — странно, с двойным ударом, пропускающая паузы.

А он... он вдохнул запах ее рук. Запах сырой земли, прелых листьев и — поверх всего — острый, жизнеутверждающий аромат розмаринового масла, въевшегося в ее пальцы. Этот запах кричал о жизни громче, чем любая сирена. Он контрастировал с его собственным существованием — стерильным, просчитанным, пахнущим смертью и холодной пустотой космоса.

Ее пальцы были мозолистыми, сильными. Они не дрожали. Эта простая, земная твердость стала для него единственным якорем в океане плавящейся от спирта нервной системы. Он сжал ее руку. Не слабо, как просят о помощи, а с силой гидравлического пресса. Дарья поморщилась, но не отняла ладони. Наоборот, переплела свои пальцы с его, находя нужный ритм давления.

— Дышите, — тихо сказала она, продолжая возиться с раной, накладывая сверху пучки заранее заготовленного мха, который должен был остановить кровь. — Вот так. Медлен-

нее. Пыль оседает только тогда, когда нет ветра.

Когда процедура была закончена, и рана была кое-как перетянута полосами, оторванными от нижней юбки Дарьи, прошло, наверное, полчаса.

Эйден открыл глаза. Краска возвращалась на его лицо. Пятна некроза на глазах светлели. Он перевел взгляд со своих перебинтованных колен на переплетенные с ним руки Дарьи.

Он осторожно, словно боясь разбить хрупкую вазу, высвободил свои пальцы из ее захвата. Коснулся кончиками своих пальцев ее губ. Дарья замерла.

На его коже, помимо запаха антисептического мха и собственной крови, она явственно ощутила другой слой. Тот, что принес с собой порыв горячего ветра снаружи. Мелкая, въедливая пыль Пограничной Зоны. И следом, мгновением позже — яркая вспышка памяти: зеленый взрыв розмарина, летящий в лица чудовищ.

Он провел большим пальцем по ее нижней губе, снимая невидимую соринку.

— Почему? — его голос все еще был хриплым, но приобрел глубину. — Зачем ты вернулась? Любой здравомыслящий человек бежал бы от меня быстрее, чем от них.

Дарья посмотрела на свои испачканные землей и чужой кровью колени. Затем перевела взгляд на его лицо. Уголки его губ едва заметно дрогнули, пытаясь изобразить улыбку, но получилась лишь горькая гримаса.

— Потому что твои раны пахнут человеком, — честно ответила она. — А не падалью. И потому что ты стоишь между мной и лесом, а не за моей спиной.

Она потянулась к своему воротнику, развязала платок, защищавший шею от песка, и сложила его вчетверо. Смочила остатками вина. Осторожно, самыми кончиками пальцев, провела по его щеке, стирая разводы грязи и пота.

Эйден прикрыл глаза, принимая это простое касание с благоговением смертельно уставшего путника.

— Ты собирала траву, — произнес он, не открывая глаз. — Для чужого ребенка. — Да. — И готова была отдать за нее жизнь. — Жизнь стоит недорого. Хорошая трава в этих землях встречается реже.

Он усмехнулся по-настоящему на этот раз. Сухо, коротко. Звук был похож на треск ломающейся ветки. — Логично. Земная логика. Иррациональная и безупречная одновременно.

Он резко наклонился вперед. Дарья отпрянула, ожидая нападения, но он лишь сократил дистанцию до расстояния дыхания. Его синие глаза заполнили все ее поле зрения.

Поцелуй не был нежным. В нем не было романтики летнего сада. Это был акт присвоения и благодарности голодающего. Его губы, сухие и горячие, прижались к ее рту с отчаянием утопающего. Дарья выдохнула от неожиданности, открыла губы, и он воспользовался этим, углубляя поцелуй.

И Дарья наконец поняла смысл метафоры, над которой

всегда смеялась.

На его губах действительно был вкус пыли. Горьковатой, наждачной, вьевшейся в кожу пустыни. Это был вкус мира, который пытался их обоих убить сегодня.

Но глубже, под слоем праха, на языке расцветал другой вкус. Свежий, смолистый, прохладный. Эфирные масла розмарина перешли с ее собственных губ на его. Сок того самого стебля, который она чудом удержала в руке во время драки, терпкий и зеленый, смешался с железом его крови и солью ее кожи.

Пыль и розмарин. Смерть и жизнь. Огонь меча и тепло человеческой ладони.

Сердце Дарьи пропустило удар, а затем пустилось вскачь, отбивая ритм африканских барабанов. Где-то внизу живота завязался тугой, горячий узел. Раствор, страх, усталость — все это схлопнулось в одну ослепительную точку настоящего момента. Она ответила на поцелуй, вкладывая в него всю ту заботу, которой час назад хотела поделиться с больным ребенком кузнеца, и всю ту первобытную жажду жизни, которая заставила ее бросить вызов существам из черного леса.

Эйден издал низкий, вибрирующий звук в глубине горла. Одна его рука легла Дарье на затылок, жестко фиксируя голову, вторая легла на поясницу, притягивая ее ближе, пока между ними не осталось воздуха. Он пил ее дыхание, как умирающий от жажды пьет воду.

Когда он наконец оторвался от ее рта, оба тяжело дышали.

Между их лицами оставалась пара дюймов. Синий отсвет его глаз встретился с темной глубиной ее зрачков.

— Твой ребенок получит свою траву, — хрипло сказал Эйден. Голос сел окончательно. — И много чего сверх того. Кажется, твой первый шаг вышел за пределы дозволенного протоколом оказания первой помощи.

Дарья коснулась своих горящих губ кончиками пальцев. Посмотрела на капли крови, оставшиеся на его подбородке.

— Протоколы пишутся для тех, кто боится жить, Эйден, — прошептала она. — А мы с тобой сегодня очень хотели выжить.

За пределами пещеры, в раскаленной пыли Пограничной Зоны, начинал подниматься ветер, предвещаая песчаную бурю. Но внутри старой дренажной шахты, среди запаха сырого камня и сохнущего мха, впервые за долгие годы для двух людей начало пахнуть домом. Домом, построенным из пыли, крови и единственной веточки спасенного розмарина.

Глава 2. Танец теней на стенах

Память — это не только запахи, но и геометрия света. Дарья поняла это позже, когда научилась смотреть на мир не просто глазами обывателя, а зрением того, кто видит изнанку вещей. Но ту ночь в «Пьяном грифоне» она запомнила прежде всего через игру пламени.

Это случилось спустя три недели после их встречи у черных деревьев. Три недели они петляли по Пограничной Зоне, уходя от патрулей Лиги, которые теперь искали Эйдена с удвоенным рвением, и от безмолвных охотников леса, чье шипение иногда доносилось из темноты холодными ночами. Рана на его бедре затянулась пугающе быстро — за пять дней там остался лишь гладкий, блестящий шрам цвета старого фарфора. Его метаболизм работал иначе, поглощая ресурсы ее тела с пугающей эффективностью: он ел за троих, спал вполглаза и мог идти сутками, пока Дарья падала с ног от усталости.

Но именно на пятую ночь, когда буря загнала их под дырявую крышу заброшенного зернохранилища, он впервые назвал свое оружие. — Это не меч, Дарь, — сказал он тогда, протирая синий клинок промасленной тряпкой. При свете масляной лампы грани лезвия казались живыми. — Это резонансный ключ. Якорь. Он держит меня здесь, потому что мое естественное состояние... иное. Если я потеряю его, я

перестану быть твердым. Рассыплюсь на фотоны или замерзну во времени. Называй как хочешь. Суть одна — я стану ничем.

Дарья слушала эти слова, перебирая сухие травы для отвара. Она уже знала, что он не человек. Не совсем. В нем было слишком много пустоты, слишком мало тепла, и тени вокруг него ложились неправильно, словно боялись к нему прикоснуться. Но сейчас, сидя в общем зале таверны «Пьяный грифон», прижимаясь спиной к его груди, она чувствовала себя в абсолютной безопасности. Иллюзия была хрупкой, как яичная скорлупа, но она позволяла дышать.

«Пьяный грифон» был самой глубокой норой, которую можно найти в Нижнем Секторе Гелиополиса. Сюда спускались те, кому нечего терять, кроме собственной никчемной жизни. Воздух здесь стоял плотной сизой массой, пропитанной кислым запахом дешевого пива, прогорклого жира и отчаяния. Потолок низкого сводчатого зала поддерживали почерневшие дубовые балки, с которых капала жирная копоть. Под ногами хлюпали опилки, десятилетиями впитывавшие пролитое спиртное и блевотину.

У них не было денег даже на койку в вонючем хостеле наверху. Последние кредиты ушли на эту кружку разбавленного эля для Дарьи и стакан чистой воды для Эйдена. Вода стоила дороже пойла.

Они сидели в самом дальнем углу, за липким столом, освещенным единственной оплывшей свечой в медном под-

свечнике. Свеча трещала, выплевывая капли воска прямо в тарелку с объедками предыдущего посетителя. Эйден сидел неподвижно, занимая собой половину деревянной скамьи. Даже в этой грязи, в залатанном плаще, который он снял с мертвого мародера неделю назад, от него веяло ледяной отстраненностью. Он смотрел в толпу своим тяжелым синим взглядом, сканируя каждого входящего. Для него этот зал был трехмерной картой угроз.

Для Дарьи же это место пахло домом. Не тем стерильным домом из детства, где мать заставляла мыть руки каждые полчаса, а настоящим человеческим теплом. Здесь люди потели, смеялись, ругались и плакали по-настоящему.

Из угла, где трое бродяг терзали расстроенную лютню, полилась мелодия. Медленная, тягучая, построенная всего на трех аккордах. Мрачная, но обладающая странным гипнотическим ритмом. Ударник — седой мужчина с протезом вместо ноги — отбивал такт пустой кружкой по краю стола. *Тук. Тук-тук. Пауза. Тук.*

Музыка заполнила гул помещения, отсекая пьяную ругань и звон посуды. Люди начали притихать. Кто-то перестал жевать. Ритм проникал под кожу, заставляя кровь течь медленнее, в такт ударам кружки.

Эйден почувствовал перемену раньше всех. Его плечи напряглись. Он положил руку на стол ладонью вниз, и Дарья увидела, как побелели костяшки. — Частота резонирует с базовыми ритмами человеческого страха, — тихо произнес

он, почти не разжимая губ. — Они пытаются вызвать массовую агрессию. Или панику. Зачем?

Дарья накрыла его стиснутую кисть своей теплой рукой. — Затем, чтобы танцевать, — прошептала она ему на ухо, щекоча дыханием мочку. — Расслабься, Эйден. Ты похож на натянутую струну. Сейчас она лопнет, и твой синий огонь расплавит нам лица.

Она мягко, но настойчиво потянула его вверх. — Что ты делаешь? — его голос прозвучал низко и опасно. В любой другой ситуации такой тон заставил бы собеседника отступить на шаг. — Спасая твою нервную систему, — улыбнулась она. — И свою тоже. Раз уж мы не можем купить постель, придется покупать иллюзию счастья более дешевым способом.

Он позволил поднять себя со скамьи. В тусклом свете свечи его фигура выглядела монументальной и совершенно неуместной среди сгорбленных спин местных завсегдатаев. Дарья оказалась напротив него. Между ними было расстояние вытянутой руки.

Мелодия ускорилась. Лютня застонала выше, вступили глухие удары барабана. *Бум-дум. Бум-бум-дум.* Простой, первобытный танец.

Дарья сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. Она положила свои ладони ему на грудь, прямо поверх грубой ткани плаща. Сердце под ней билось ровно, медленно, с механическим постоянством машины. Никакой лишней суеты. —

Просто повторяй за мной, — сказала она. — Левая нога назад. Правая в сторону. Вместе.

Она повела его. Сначала это было похоже на обучение новобранца строевому шагу. Эйден двигался скованно, каждый мускул его тела сопротивлялся хаосу музыки. Он пытался анализировать углы наклона пола, траекторию движения соседних пар, плотность толпы. Его разум отказывался отключаться.

— Перестань считать шаги, — выдохнула Дарья, начиная раскачиваться в такт. Ее бедра описывали плавные восьмерки, подчиняясь ритму барабана. — Почувствуй гравитацию. Позволь ей таскать тебя за собой. Ты слишком тяжелый, Эйден. Стань легче пыли в этом воздухе.

Она чуть согнула колени, опустив центр тяжести, и резко качнулась вправо. По законам физики, учитывая разницу в массе, она должна была потерять равновесие. Но вместо этого она использовала инерцию его массивного корпуса как противовес.

И он сдался.

Его правая рука легла ей на талию, левая сжала пальцы. Хватка была стальной, способной раздробить кости, но давление было выверено до грамма. Он больше не боролся с музыкой. Он начал слушать свой собственный вестибулярный аппарат.

Их первый совместный шаг получился неловким. Второй — увереннее. К третьему удару барабана они поймали вол-

ну.

Это не был изысканный вальс Верхнего Сектора. Это был грязный, жаркий, животный пляс Нижнего мира. Они топтали грязные опилки, кружась между столами. Эйден оказался неожиданно пластичным. Его тело, созданное для убийства с хирургической точностью, вдруг открыло в себе способность к текучести. Он вел, но ведомый им груз — Дарья — диктовал рисунок. Там, где он хотел сделать прямой выпад, она закручивала спираль. Где он планировал остановиться, она тянула его дальше, в самую гущу потных, орущих тел.

Толпа расступалась перед ними. Местные бандиты, проститутки с лицами, покрытыми химическими ожогами, дезертиры с выжженными клеймами на шеях — все они замолкали, глядя на танцующую пару. На огромного мужчину, чьи глаза светились в полумраке опасным ультрамарином, и маленькую женщину с растрепанными волосами цвета дорожной глины, которая смеялась так открыто, будто не видела дула пистолета уже лет десять.

Свечи на столах мигали. Жир капал в лужи пролитого эля. И началось то, ради чего Дарья вытащила его в центр зала.

Свет от десятков огней преломлялся в густом дыму, создавая причудливую оптическую иллюзию. Стены таверны, сложенные из грубого камня, превратились в экран театра теней. Каждый взмах руки, каждый поворот головы рождал на неровной кладке гигантские силуэты.

Дарья запрокинула голову, позволяя Эйденоу вести ее в

быстром вращении. Ее волосы взметнулись пыльным ореолом. Их тени метнулись по стене слева. Маленькая, юркая фигурка женщины и огромная, широкоплечая тень мужчины.

Ритм стал еще быстрее. Барабанщик вошел в транс, его культа колотила по дереву с нечеловеческой скоростью. Эйден дернул Дарью на себя, буквально впечатав в свою грудную клетку. Его вторая рука взлетела вверх, перехватывая ее запястье. Они замерли на долю секунды в позе натянутого лука.

На стене их тени сделали нечто невозможное.

В момент максимального натяжения, когда мышцы обоих дрожали от усилия удержать баланс, контуры смазались. Четкие линии плеча Дарьи перетекли в покатый склон плеча Эйдена. Его мощная шея стала продолжением ее затылка. Две отдельные фигуры на камне слились в одну — чудовищную, многорукую, двуглавую химеру, которая билась в конвульсиях первобытного экстаза.

Слияние длилось одно мгновение, пока музыка требовала напряжения. А затем последовал сброс — Эйден крутанул Дарью вокруг оси, отпуская на длину вытянутых рук. Тень снова разделилась, рассыпавшись на два отдельных пятна.

— Видишь? — крикнула Дарья сквозь шум, перекрывая визг скрипки. Ее лицо раскраснелось, глаза блеснули от влаги и адреналина. — Мы целое, только когда боремся с миром! Как только мы расслабляемся, нас рвет на части!

Она засмеялась. Это был смех чистого, незамутненного безумия. Смех человека, который заглянул в бездну, плюнул туда и решил остаться жить на краю.

Эйден смотрел на нее, тяжело дыша открытым ртом. Капля пота стекла по его виску, сорвалась и упала в грязь. Он видел тысячи смертей. Он сам был ходячим орудием смерти. Он знал анатомию боли лучше, чем лучшие врачи Империи. Но сейчас, глядя на эту женщину, танцующую посреди выгребной ямы человечества с грацией лесной кошки, он чувствовал нечто, чему у него не было названия.

Это не было любовью в том смысле, который вкладывали в это слово поэты. Поэзия требует метафор, а Эйден мыслил формулами. То, что происходило с ним, было нарушением термодинамического равновесия системы. Дарья вносила в его замкнутый контур столько хаотичной энергии, что его внутренний процессор перегревался, выдавая системные ошибки. Рядом с ней законы сохранения материи давали сбой.

Он снова рванул ее к себе. Теперь инициатива перешла к нему. Его движения стали хищными. Он больше не учился танцевать — он использовал танец как форму допроса пространства. Каждое движение его бедер блокировало возможный удар ножом сзади. Каждый поворот головы проверял слепые зоны потолка. Он защищал ее телом, превращая романтический пафос кабацкой пляски в смертельный балет.

Дарья почувствовала смену. Ее улыбка стала мягче, се-

рьезнее. Она перестала бросать вызов гравитации и начала следовать за его силой. Она позволила его тьме окутать себя. Когда он наклонял ее назад так сильно, что ее косы чертили круги по грязному полу, она доверчиво открывала горло, зная, что его рука на ее поясице — это гранитная плита, которая не даст ей разбить череп.

Их тени на стене вновь пришли в движение. Но теперь это был не взрыв страсти, а диалог.

Тень Эйдена нависала сверху, угловатая, острая, напоминающая готический собор или лезвие гильотины. Она давила, теснила, заполняла собой пространство. Тень Дарьи скользила внизу, извиваясь, подобно змее или языкам огня. Она пыталась проскользнуть под защиту, обвиться вокруг каменных ног, смягчить острые углы.

Когда Эйден делал резкое, рубящее движение рукой — защитную связку от удара стилетом — его тень на стене пересекала тень Дарьи пополам. Острое лезвие синего света (которого не было в руке, но которое навсегда поселилось в его моторике) проходило сквозь женский силуэт, оставляя на камне зияющую пустоту.

Дарья в ответ делала обманный финт бедрами, ныряя под воображаемый удар. Ее тень просачивалась сквозь трещины в контуре его тени, оказываясь внутри. Внутри его защиты. Внутри его самого.

Они дышали в унисон. Запахи смешивались в густой коктейль: от Эйдена несло озоном, оружейной сталью и тем са-

мым дорогим мылом, которым аристократки моют шеи своих породистых коней (он нашел кусок в кармане убитого курьера); от Дарьи шел густой дух полыни, сушеной вишни, которой торговала старуха на рынке, и едва уловимый, интимный запах женского тела, разогретого танцем.

Музыка достигла крещендо. Лютнист порвал третью струну. Звук лопнувшего жильца взвился к потолку комариным писком и оборвался. Наступила секунда звенящей тишины, прерываемая только тяжелым сопением десятка людей.

А потом барабанщик ударил один раз. Глубоко. Низко. Словно ударило сердце древнего зверя. *Бу-у-м.*

Эйден остановил их движение одним коротким шагом, вбив свой ботинок в половицу. Замерли и тени. Силуэт мужчины, держащего женское тело в сантиметрах от грязного пола. Женщина висела в его руках, как сломанная кукла, безвольно откинув голову.

Но ее руки были сцеплены у него на шее мертвой хваткой. Зал взорвался аплодисментами, свистом и одобрительным рычанием. Кто-то бросил на сцену серебряную монету. Она зазвенела, подпрыгивая на гнилых досках.

Эйден плавно, словно поднимая хрустальную вазу, вернул Дарью в вертикальное положение. Ее ноги подкосились. Колени дрожали так сильно, что стоять самостоятельно она могла с трудом. Адреналиновый шторм схлынул, оставив после себя звенящую пустоту и свинцовую усталость.

— Комната стоит две монеты, — прохрипел чей-то голос

над ухом. — За ваше шоу хозяин готов простить вам ужин.

Эйден молча достал из внутреннего кармана тот самый серебряный кругляш. Он не посмотрел на хозяина. Его взгляд был прикован к лицу Дарьи.

Губы ее припухли от частого дыхания. На скуле красовалась полоска сажи. Одна прядь волос прилипла к мокрой щеке. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее глазах плескалось отражение синих искр, которые всегда жили на дне его зрачков.

— Ты боишься, — внезапно сказала она. Голос ее сел, превратившись в низкий, грудной шепот.

Вопросительная интонация отсутствовала. Она констатировала факт. В перерыве между двумя ударами барабана, когда он держал ее над полом, она почувствовала секундную вибрацию в его пальцах. Микротремор. Страх.

Эйден не стал лгать. Он вообще плохо умел лгать лицом, поэтому предпочитал скрывать его в тени капюшона. Сейчас капюшона не было, голова была непокрыта, и каждая эмоция читалась в жесткой лепке его скул. — Да, — ответил он просто.

Они пробирались к лестнице на второй этаж, лавируя между тушами пьяных грузчиков. Эйден нес обе кружки — свою нетронутую воду и ее недопитый эль, — свободной рукой придерживая Дарью за локоть, чтобы она не упала.

— Чего именно? — спросила она, перешагивая через тело уснувшего попрошайки. — Что тебе перережут глотку в

темноте? Сомневаюсь. Ты убил двоих голыми руками еще до того, как показал мне свой лазерный нож. — Резонансный ключ, — машинально поправил он. — И нет. Физическая смерть моего текущего носителя — это логистическая проблема, не более. Потребуется время на поиск нового аватара. Это неприятно, но не страшно. — Тогда чего? — она остановилась на ступеньке, вынуждая его повернуться к ней. Свет от лампы на площадке упал на его лицо, подчеркивая глубокие тени в глазницах.

Он долго молчал, глядя, как оседает пена в ее кружке. — Диффузии, — наконец произнес он. — Растворения. Помнишь наш первый поцелуй? Вкус пыли и розмарина. До встречи с тобой моя личность представляла собой кристаллическую решетку. Жесткую структуру. Я знаю, кто я. Оружие. Наблюдатель. Функция.

Он поднял на нее свои невероятные глаза. В них стояла такая человеческая, такая уязвимая тоска, что у Дарьи перехватило дыхание. — Когда ты трогаешь меня, Дарь, твоя теплота... она заразна. Твоя магия земли, о которой ты рассказывала... эта связь с корнями, с циклами распада и роста... она вступает в реакцию с моей природой. Температура плавления моей структуры ниже, чем я думал. Я боюсь, что однажды утром проснусь и не вспомню алгоритм сборки клинка. Потому что буду помнить только вкус твоей кожи. И запах розмарина. Я стану тобой. А космос, которому я служу, потеряет своего агента.

Дарья поднялась на цыпочки. От нее пахло усталостью и победой. Она взяла его лицо в свои ладони — ладони простой травницы, привыкшие к мозолям и занозам. Ладони, которые могли остановить гнойное воспаление, но были абсолютно бессильны против космического холода. — Послушай меня, функция, — сказала она очень серьезно, глядя ему прямо в синие радужки. — Магия, о которой ты говоришь... это не чтение мыслей и не файерболы. Моя бабка называла это «вязанием». Мы, женщины этой земли, веками вязали полотно семьи. Из горя, из радости, из крови мужей и криков детей. Мы берем чужие страхи и переплетаем их со своими надеждами. Получается ткань. Теплая. Иногда колючая, если шерсть плохая. Но она держит тепло.

Она подтолкнула его вверх по лестнице, в узкий коридор второго этажа, пропахший мочой и сыростью. — Ты думаешь, что растворись во мне? Глупый. Ты просто станешь нитью в моем полотне. Одной из самых прочных. Холодной, стальной нитью. Без тебя мое одеяло будет просто мешковиной. Оно не защитит от ветра. А без меня твоя сталь останется куском бесполезного льда, который треснет от первого же удара.

Дверь комнаты номер четыре открылась со звуком, похожим на предсмертный вздох. Внутри действительно было чисто. То есть, на полу не валялись трупы, а на матрасе не ползали насекомые. Была даже относительно чистая простыня серого цвета.

Эйден поставил кружки на единственный стул. Закрыв дверь на тяжелый железный засов. Щелчок металла отрезал их от ревушего ада таверны. Наступила ватная, плотная тишина.

Комната освещалась только тусклой луной, пробивающейся сквозь единственное мутное окно. В лунном свете черты Эйдена заострились, делая его похожим на демона с древних икон.

Он сделал шаг к кровати. Потом еще один. Он возвышался над Дарьей, как скала. Источник угрозы. Источник абсолютной, нерушимой защиты.

— Я наблюдал за людьми сотни ваших лет, — сказал он, и его голос в маленькой комнате звучал как орган в соборе. — Я видел, как матери пожирают детей во время осад. Как братья вырезают целые города за клочок соленой воды. Вы называете это страстями. Любовью. Ненавистью.

Он взял ее руку, перевернул ладонью вверх и провел пальцем по линии жизни. Его палец был прохладным, но оставлял на коже горячий след. — Но сегодня, там, на стене... я увидел другое. Тень не может существовать без источника света. Но и свет ничего не значит, если ему не от чего отражаться. Мы отбрасываем одну тень, Дарь. Только когда стоим между светом и стеной вместе. Если один из нас сделает шаг в сторону, контур разрушится. Фигура станет плоской. Искусственной.

Дарья высвободила свою руку. Она сняла тяжелую куртку,

бросив ее на пол. За ней последовала туника. Оставшись в одной нижней рубашке, которая скорее подчеркивала худобу, чем скрывала наготу, она подошла к нему вплотную.

— Значит, стой рядом, — прошептала она, расстегивая пряжку на его ремне. Металл лязгнул о металл. — И не смей делать шаг в сторону.

Ее пальцы работали ловко, хотя сердце колотилось где-то в горле. Она стаскивала с него слои чужой одежды — плащ мародера, кожаный жилет, пропахший чужим потом, жесткую рубаху. Под тканью скрывалось тело, которое одновременно пугало и завораживало. Идеально симметричное, лишнее лишнего жира, состоящее из тугих канатов мышц. Кожа была бледной, почти молочной, но испещрена сетью тонких серебристых линий, похожих на электрические схемы. Шрамы старых ран, нанесенных оружием, которого не существовало на Земле.

Она провела языком по одной такой линии на его ключице. Вкус был металлическим, как лизнуть батарейку. — Вот видишь, — мурлыкнула она, прихватывая зубами кожу. — Я уже пробую тебя на зуб. Процесс диффузии запущен.

Он издал звук, средний между рычанием и стоном. Его выдержка дала окончательную трещину. Руки, способные дробить камень, сомкнулись на ее талии. Это не было нежностью. Это было актом присвоения территории. Он поднял ее, как пушинку, и швырнул на продавленный матрас.

Матрас жалобно всхлипнул облаком древней пыли.

Свечей не было, но свет им был не нужен. Луна очерчивала серебром профиль Дарьи, когда она запрокинула голову, подставляя шею. Эйден рухнул на кровать вслед за ней, опираясь на локти, чтобы не раздавить ее своим весом. Пружины матраса впились в его колени.

Их следующая встреча губ не имела ничего общего с тем первым, отчаянным поцелуем в пещере. Тот был вкусом выживания. Этот имел вкус признания.

Он пил ее медленно, изучая каждую складочку, каждый изгиб рта. Его язык вторгся в ее рот с бесцеремонностью завоевателя, но каждое движение контролировалось микроскопической долей нежности. Он исследовал ее, как ученый исследует новый, нестабильный элемент, готовый в любую секунду отдернуть руку, если начнется цепная реакция.

Дарья отвечала ему с голодной жадностью человека, долго шедшего по пустыне. Ее руки блуждали по его спине, натыкаясь на узлы мышц и холодные пластины скрытых имплантов. Она гладила его, царапала, притягивала ближе, пытаясь передать ему часть своего земного жара.

— Скажи мне, — выдохнула она ему в губы, когда он спустился поцелуями к ямке между ключицами. — Чего боится холодное оружие? — Коррозии, — прохрипел он, втягивая ртом кожу на ее плече. Зубы слегка клацнули. — Ржавчины. Времени.

Она запустила пальцы в его жесткие, короткие волосы на затылке. — Тогда люби меня крепче, агент, — прошептала

она. — Ржавчина любит влагу. Дай мне затопить тебя.

Дальнейшее слилось для Дарьи в череду вспышек контраста. Лед его пальцев на ее горячей коже. Жар его дыхания в прохладном воздухе комнаты. Жесткость его движений, продиктованная инстинктом доминирования, и абсолютная покорность его голоса, когда он произносил ее имя в моменты пика.

Он любил ее математически точно, находя точки давления, о существовании которых она сама не подозревала. Это было больно в тех местах, где соединялось несовместимое — его нечеловеческая сила и ее хрупкие человеческие кости. Но боль была острой, чистой, вытесняющей страх. Каждая судорога удовольствия сжигала слой той прошлой жизни, где она собирала розмарин для чужих детей, прячась от патрулей.

Он перевернул ее, прижал лицом к шершавому матрасу. Одной рукой удерживал оба ее запястья заведенными за спину — захват, ломающий волю любого солдата. Другой рукой ласкал ее, вызывая волны такого концентрированного наслаждения, что перед глазамиплыли цветные пятна. Мир сузился до точки соприкосновения его пальцев с ее плотью.

— Смотри на стену, — приказал он ей на ухо, его голос вибрировал от сдерживаемой ярости обладания.

Дарья послушно перевела взгляд. Сквозь щели в разошедшихся досках перегородки пробивался тусклый луч света из соседней комнаты. На противоположной стене, покрытой

облупившейся зеленой краской, плясал их общий силуэт.

Голова Дарьи, прижатая к подушке. Широкая спина Эйдена, закрывающая собой весь свет. Его рука, движущаяся в древнем, как само человечество, ритме.

Их тени не сливались в химеру, как в таверне. Они делали нечто более страшное и прекрасное. Тень Эйдена поглотила тень Дарьи целиком. Огромное черное пятно полностью накрыло маленькое, трепещущее. На секунду показалось, что женщина исчезла, аннигилированная существом из иного измерения.

Но потом тень Дарьи ответила. Она вспыхнула изнутри багровым светом — отражением ее пульса, биения ее крови. И черный монолит мужской тени дрогнул. По краям пошла рябь. Темнота начала насыщаться красным.

Два цвета боролись на старой краске стены. Черный космический холод и красная теплая жизнь. Они не уничтожали друг друга. Они смешивались, образуя глубокий, бархатный фиолетовый оттенок сумерек.

Оргазм накрыл Дарью внезапно, вырвав из горла беззвучный крик. Тело выгнулось дугой, пытаясь сбросить тяжесть мужского тела, но рука на ее запястьях лишь сильнее сжалась, фиксируя ее в эпицентре шторма. Она видела, как на стене их тени содрогнулись в последний раз и осыпались вниз черной трухой, как сгоревшая бумага.

Эйден последовал за ней мгновением позже. Его освобождение сопровождалось тихим, животным рыком, который он

попытался подавить, уткнувшись лицом в ее спутанные волосы. Его тело стало тяжелым, неподъемным, мышцы потеряли свою сверхъестественную упругость, став просто человечески усталыми.

Он скатился с нее, увлекая за собой, и прижал к своему боку. Теперь они лежали на влажных от пота простынях, переплетенные ногами. Грудь Дарьи вздымалась, пытаясь поймать остатки воздуха. В ушах звенело.

Эйден лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Серебристые линии на его коже слабо фосфоресцировали в темноте, постепенно угасая.

— Температура ядра стабилизировалась, — сообщил он в никуда. Голос был сонным и немного удивленным. — Критического перегрева не произошло. Система приняла обновление протоколов.

Дарья фырнула, ткнув его кулаком в ребра. — Заткнись, аналитик. И дай мне поспать. Завтра нам опять бежать от твоих дружков с порталными ножами.

Она закрыла глаза, проваливаясь в темноту, пахнущую пылью, дешевым пивом и чем-то невыразимо родным.

Где-то далеко, за стенами «Пьяного грифона», выл ветер Пограничной Зоны, разнося семена полыни и пепел сожженных деревень. Но здесь, в номере четыре, на продавленном матрасе, двое изгнанников создали свой собственный микрокосм. Уголок вселенной, где закон всемирного тяготения уступал место закону взаимного притяжения двух разбитых

душ.

Эйден долго смотрел на спящее лицо Дарьи. На темные круги под глазами, на упрямую морщинку между бровями. Он считал пульс на ее сонной артерии. Сорок восемь ударов в минуту. Спокойствие глубокого сна.

Протокол наблюдения гласил: объект проявляет признаки эмоциональной привязанности, угрожающей дееспособности агента. Рекомендуется немедленное прекращение контакта и эвакуация.

Эйден осторожно, чтобы не разбудить, убрал влажную прядь волос с ее лба. Затем он положил свободную руку на рукоять спрятанного под подушкой кинжала. И придвинулся ближе, укрывая их обоих тонким шерстяным одеялом, разрывая протокол собственным телом. Теням нужно было что-то, обо что можно опираться, чтобы не упасть в абсолютную пустоту завтрашнего дня.

Глава 3. Кольцо из коры

Память — это вес. Дарья узнала об этом, когда рюкзак за ее спиной стал тяжелее ровно на триста граммов. Не из-за добавленной банки консервов или лишней фляги с водой. Вес изменился в тот момент, когда она опустила на самое дно сумки, под свернутую смену белья и мешочек с сушеным тысячелистником, тонкую полоску темного дерева.

Кольцо больше не сжимало ее палец. Оно лежало там, среди вещей первой необходимости мертвеца, холодное и бесполезное, как прошлогодний снег.

Дарья остановилась, перехватывая поудобнее ремень винтовки. Ветер Пустошей гнал перед ней перекасти-поле прямо через остовы сгоревших бронемашин. Небо было цвета старой гематомы — лиловое, набухшее обещанием кислотного дождя. Она сняла перчатку и посмотрела на свою левую руку. На безымянном пальце остался бледный, незагорелый след. Узкая полоска чистой кожи, окруженная въевшейся грязью и сеткой мелких морщин от постоянной возни с механизмами оружия. Кожа там была мягкой. Слишком мягкой для женщины, которая уже полгода выжигала себе путь сквозь руины Старого Континента.

Она помнила день, когда он его сделал. Это случилось почти сразу после «Пьяного грифона», когда эйфория танцем и похоть тесных комнат схлынули, оставив их один на один

с голой правдой: у них не было ничего, кроме двух ножей, дырявых ботинок и умения убивать.

Они шли вдоль русла высохшей реки Третьего Урожая. Земля здесь трескалась глубокими каньонами, обнажая геологические пласты прошлого века. Эйден двигался впереди, ступая по осыпающемуся краю пропасти так легко, словно гравитация была лишь вежливой просьбой, которую он решил отклонить. Его плащ хлопал на ветру, как черное знамя поражения.

Дарья плелась сзади. Мышцы ног горели огнем, легкие раздирал сухой кашель. Она привыкла ходить по лесным тропам, где земля пружинит под подошвой. Здесь же каждый шаг отдавался в коленях тупым ударом молотка.

— Привал, — прохрипела она, опускаясь на колени у края глубокой трещины. — Если я сделаю еще десять шагов, мои коленные чашечки превратятся в фарш. И тебе придется нести меня до самого Океана. А ты ненавидишь воду, я помню.

Эйден обернулся. Он стоял на фоне багрового заката, и солнце просвечивало сквозь его силуэт, делая фигуру плоской, вырезанной из картона. Несколько секунд он просто смотрел на нее этим своим тяжелым синим взглядом, сканируя зрачки на предмет обезвоживания. Затем молча подошел, сгреб в охапку — вместе с ее рюкзаком, винтовкой и протестующим воплем — и перенес на пятьдесят мет-

ров дальше, к скальному выступу, дававшему хоть какую-то тень.

— Поставь меня! — выдохнула она, когда ее ноги снова коснулись земли. Колени подогнулись, и она съехала спиной по теплomu камню, вытягивая стертые в кровь стопы. — Ты носишься со мной, как курица с яйцом. Я травница, а не хрустальная ваза из Верхнего Сектора.

— Хрустальные вазы не истекают кровью каждые двадцать восемь дней, — резонно заметил он, присаживаясь на корточки рядом. Его лицо оказалось в тени, только глаза светились собственным светом. — И они не кашляют пылью. Открой рот.

Он протянул ей плоскую металлическую таблетку. Реаниматор. Горький химический концентрат, который заставлял сердце биться даже тогда, когда мозг приказывал телу умереть. Дарья послушно положила таблетку на язык. Горечь ударила по рецепторам, вызывая мгновенный спазм желчи. Но спустя секунду ледяная свежесть хлынула по венам. Усталость никуда не делась, но она отступила на задний план, превратившись из острой боли в глухой фоновый шум.

— Спасибо, — буркнула она, сплевывая вязкую слюну. — Следующий раз попроси кого-нибудь изобрести реаниматор со вкусом малины.

Эйден проигнорировал сарказм. Он методично расшнуровал ее правый ботинок. Дарья хотела пнуть его, но сил хватило только на то, чтобы слабо дернуть ногой. — Не трогай.

Там грибок. Почти родной уже. — Грибок разрушает коллаген, — сухо ответил он, стягивая рваную портянку. — Твои пятки похожи на карту военных действий.

Он достал из своего подсумка моток странной пленки — самозатягивающегося бинта армейского образца. Обработал ее потрескавшиеся пятки антисептиком, от которого кожу защипало невыносимо, и плотно обмотал ступни.

Пока он занимался врачеванием, его взгляд упал на старый дуб, чудом уцелевший в расселине скалы. Дерево выглядело древним. Ему должно было быть лет двести, если считать по меркам старого мира. Черный, узловатый ствол был покрыт наростами, а нижние ветви нависали над землей, искривленные постоянными песчаными бурями.

Но одна ветка... Одна молодая ветвь тянулась вверх, вопреки логике и отсутствию солнца. Она была покрыта живой, глянцево-зеленой листвой. Маленькие листья дрожали на ветру, хотя вокруг царил полный штиль.

Эйден замер. Его голова медленно повернулась к дереву. Вся напускная человеческая усталость слетела с него, как шелуха. Спина выпрямилась, плечи напряглись. Он превратился в ту самую сжатую пружину, которую Дарья впервые увидела в лесу. — Что? — спросила она, мгновенно ожившись. Ее рука легла на рукоять ножа. — Охотники? — Нет, — голос его стал ниже, вибрировал от напряжения. — Древесный резонанс. Эта ветвь находится вне локального энтропийного поля. Она... живая. По-настоящему живая.

Не симбиотическая подделка Леса.

Он поднялся одним плавным движением и направился к дубу. Дарья видела, как изменялась его походка. Он больше не переступал через камни — он огибал их, стараясь не касаться земли каблуками, словно боялся потревожить святыню.

— Эйден, — окликнула она. — Это всего лишь дерево. Оно растет там, куда ветер годами сдувал плодородную почву. Упрямство — лучший фунгицид.

Он не ответил. Опустившись на одно колено у подножия дуба, он провел ладонью по черной коре. Коротким, хищным движением большого пальца он нажал на что-то невидимое в воздухе прямо над стволом. Раздался тихий щелчок, и в его свободной руке возник синий клинок. Только сейчас Дарья заметила, что лезвие изменилось. Оно больше не пульсировало агрессивным светом. Огонь внутри него успокоился, став ровным, глубоким, похожим на отражение глубокого озера в лунную ночь.

— Не смотри, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. Дарья закатила глаза, но отвернулась, уставившись на свои перебинтованные ноги. Она слышала тонкий, певучий свист металла, входящего в плоть дерева. Звук был неприятным, влажным. Так звучит топор мясника, отделяющий сустав. За ним последовал громкий треск ломающейся древесины.

Через минуту Эйден вернулся. В руках он держал корот-

кую, толщиной в два пальца, прямую ветку. Свежий срез сиял перламутровой белизной на фоне его черного плаща. Сок не капал. Дерево казалось сухим, хотя ветвь явно жила.

— Зачем ты его убил? — спросила Дарья, кивнув на зияющую рану на боку старого гиганта. — Я взял согласие, — серьезно ответил Эйден. — Резонанс подтвердил передачу. Оно умирает. Корни отравлены солями тяжелых металлов из нижних слоев почвы. Мы подарили ему быструю смерть, забрав часть жизни для твоего спасения.

Дарья открыла было рот, чтобы спросить, какая связь между куском палки и ее спасением, но промолчала. Когда Эйден говорил о природе вещей таким тоном — смесью патологоанатома и жреца-язычника — вопросы только затягивали процесс.

Он сел рядом с ней, подобрав полы плаща. Положил ветку на камень. Достал свой боевой нож — короткий, тяжелый, с пилой на обухе. — Дай руку, — приказал он.

Дарья протянула левую кисть. Ладонь была жесткой, как старая подошва. Ногти обломаны коротко, под ними вечная кайма машинного масла и земли.

Эйден взял ее руку бережно, двумя пальцами, словно редкое насекомое. Большим пальцем он погладил костяшку ее безымянного пальца. — Этот металл слаб, — сказал он, имея в виду отсутствие кольца. — Золото слишком мягкое. Серебро реагирует на сернистые выбросы пустошей, окисляется и вызывает дерматит. Платина инертна, она мертвая. Те-

бе нужно нечто, что будет меняться вместе с тобой. Живая броня.

Он поднял кусок ветки. Примерил к ее пальцу, прищурив один глаз, как заправский ювелир. — Слишком тесно. Состав шире фаланги. Нужно учесть отек при перепадах давления. И расширение тканей при нагреве.

Дарья смотрела на него во все глаза. Могущественное существо из холодного космоса, способное открывать дыры в пространстве-времени, сидело на пыльном камне и высчитывало микрометрическую разницу объема ее пальца в зависимости от температуры окружающей среды.

— Женись на мне, кузнец, — фыркнула она, пытаясь скрыть внезапный ком в горле. — У тебя поразительный подход к романтике.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Это нельзя было назвать улыбкой, скорее — кратковременным сбоем лицевого нерва. — Кузнец работает с мертвым металлом, Дарь. Я работаю с вероятностями. Замри.

Лезвие ножа прижалось к древесине. Эйден начал вращать ветку левой рукой, а правой аккуратно повел сталь по кругу. Это не было похоже на грубую резьбу. Это было хирургическое вмешательство. Нож снимал слой за слоем тончайшую, полупрозрачную стружку. Заполнил воздух запах свежей зелени и чего-то электрического, озонового — сок дерева смешивался с микровспышками энергии, стекающими с пальцев Эйдена.

Он работал быстро, экономными движениями. Ветвь начала приобретать форму. Идеально ровное кольцо. Внутренняя поверхность была гладкой, как стекло, отполированное прикосновениями самой ткани мироздания. Внешнюю сторону он оставил шероховатой, сохранив естественный изгиб волокон и кору, которая теперь прилегала к дереву так плотно, что казалась частью единого целого.

Закончив первый этап, он отложил нож. Поднес кольцо к губам и осторожно подул на него. Из рта вырвалось облачко морозного пара, хотя жара стояла невыносимая. Дерево покрылось тонким слоем инея. — Термическая закалка, — пояснил он, видя ее вопросительный взгляд. — Теперь оно выдержит давление гидравлического пресса и температуру плазменного разряда. Хотя последнее проверять не рекомендую.

Затем произошло то, от чего Дарья забыла, как дышать. Эйден наклонился над кольцом и открыл рот. Между его губ мелькнул кончик языка, и на гладкую внутреннюю поверхность кольца упала одна-единственная капля. Темно-красная, густая. Кровь.

Смола древнего дуба вспыхнула изумрудным светом, впитывая алую жидкость. Капля растеклась по волокнам, исчезая внутри структуры, оставляя после себя едва заметный темный прожилок, похожий на миниатюрированную реку на карте.

— Что это было? — прошептала Дарья, инстинктивно от-

дергивая руку, когда он потянулся к ней. — Связующее звено, — спокойно ответил он. — Моя клеточная память. Если твой жизненный показатель упадет ниже критического уровня тридцать единиц, корень этого кольца, прорастающий сейчас сквозь твои кости, отправит импульсный маяк. Я узнаю, где ты, даже если нас будут разделять разные измерения. И я пройду сквозь любую стену, чтобы забрать тебя.

Дарья моргнула. Романтика становилась все более специфической. Забрать труп — тоже вариант защиты. — То есть, если меня сожрет мутант, ты почувствуешь приятное покалывание в десне? — Я почувствую разрыв континуума, — невозмутимо поправил он. — Это болезненно. Поэтому постарайся не умирать. Мне лень искать новый аватар в радиусе ближайших ста лет. Местные генетические линии деградируют. Боюсь, следующее тело получится слепым и с тремя руками.

Он снова взял ее левую руку. На этот раз хватка была нежной. Большой палец Эйдена размазал по внутренней стороне кольца крошечную капельку крови Дарьи, которую он заранее собрал, незаметно уколов ее палец своим ножом во время осмотра пяток. Две капли — его и ее — встретились внутри деревянного ободка.

— Надевай, — велел он.

Кольцо скользнуло на палец удивительно легко. Дерево было прохладным, почти холодным, несмотря на жар камней. Дарья сжала и разжала кулак. Сидело идеально. Ни ма-

лейшего намека на натирание. Казалось, оно родилось вместе с ее рукой.

Она подняла кисть к глазам, рассматривая украшение. В сумерках кольцо выглядело невзрачно. Просто черный ободок из старой коры. Никаких драгоценных камней, никакой витиеватой гравировки.

И тут она поняла. Поняла настолько ясно, что смех вырвался сам собой — звонкий, истеричный, раскатившийся по ущелью испуганным эхом.

— Что? — Эйден нахмурился, его пальцы метнулись к рукояти клинка. Угроза? Где? — Ничего! — простонала Дарья, сгибаясь пополам от хохота и утыкаясь лбом в его плечо. Слезы текли по ее щекам, смывая дорожную пыль. — Ты!.. Ты притащил меня сюда, чуть не заморозил насмерть в пещере, распугал всех бандитов Нижних Секторов своим лазерным шампуром, цитируешь протоколы наблюдения вместо комплиментов... А потом делаешь мне предложение куском палки!

Она тыкала пальцем в кольцо, заходясь новым приступом смеха. — «Дорогая, вот тебе деревяшка. Она защитит тебя лучше золота». Господи, Эйден, да золото можно продать! На золото можно купить еды! Можно нанять охрану! Что я буду делать с твоей палкой, если нас возьмут в плен работорговцы? Предложу им поиграть в «покажи палец»?

Она ожидала увидеть раздражение. Холодность. Возможно, лекцию о ненадежности рыночных отношений в услови-

ях постапокалипсиса.

Вместо этого Эйден вздохнул. Глубоко, по-человечески устало. Он притянул ее к себе, обхватив огромными ладонями ее смеющуюся голову, и поцеловал в макушку. — Дура, — тихо сказал он, и в голосе прозвучала такая бесконечная, всепрощающая нежность, что смех Дарьи оборвался, захлебнувшись всхлипом. — Золото притягивает тех, кто хочет его забрать. Работоторговцы убьют тебя именно за золотой браслет. А это... — он коснулся ее безымянного пальца, поверх коры. — Это привлечет только того, кому нужна ты сама. Тот, кто позарится на кусок гнилого дуба, уже безнадежен. Кроме того...

Он чуть отстранил ее, заглядывая в заплаканные, блестящие глаза. — ...если ты попадешь в плен, тебе не придется предлагать им палец. Просто сломай кольцо. Перехвати его пассатижами или перекуси арматурой. Усилие в сорок килограммов на квадратный сантиметр. Волокна лопнут. Та капля моей крови содержит вирус полиморфного распада. Любой, кто окажется в радиусе пяти метров от осколков, начнет растворяться заживо. Процесс займет семнадцать секунд. Очень неприятных секунд. Так что считай это многофункциональным аксессуаром. И фамильной ценностью.

Дарья смотрела на него, открыв рот. Потом перевела взгляд на кольцо. Обычный кусок дерева внезапно показался самым тяжелым предметом во вселенной. — Ты псих, — прошептала она восхищенно. — Я рационалист, — попра-

вил он. — Самый эффективный инструмент защиты должен быть интегрирован в повседневный быт объекта. Ты будешь носить его всегда. Во сне. В душе. При спаривании. Потому что опасность не берет выходных.

Она шлепнула его по груди. Легко, ладонью. — При спаривании я его снимаю, иначе рискуешь занозить кое-что поважнее своей бессмертной души. — Биоматериал проникнет сквозь поры древесины, усиливая связь, — совершенно серьезно парировал он. — Эффективность возрастет на двенадцать процентов.

Дарья снова засмеялась, но на этот раз смех был другим — мягким, теплым, домашним. Она обняла его за шею, прижимаясь всем телом, чувствуя, как успокаивается бешеный ритм его нечеловеческого сердца под ее ухом.

Она никогда раньше не носила колец. Мать говорила, что украшения — это цепи, которые добровольно надевает на себя глупец. Но эта «цепь» из коры ощущалась иначе. Она стала продолжением ее скелета. Чувство холода от дерева постепенно сменялось приятным теплом — кольцо начало адаптироваться к температуре ее тела.

— Хорошо, — сказала она, наконец отстраняясь и беря его за руку, чтобы вложить свою ладонь в его. — Я согласна. Будь моим мужем, ходячая инструкция по технике безопасности. Постараюсь не умирать чаще раза в неделю, чтобы не отвлекать тебя от поиска нового тела.

Он переплетал свои длинные пальцы с ее короткими, пока

они смотрели на заходящее солнце. Старый дуб позади них отбрасывал длинную, искаженную тень, похожую на фигуру великана, охраняющего покой своих детей.

Дарья тряхнула головой, отгоняя воспоминание. Ветер Пустошей швырнул ей в лицо горсть песка. Песок скрипнул на зубах. Она сплюнула вязкую слюну и проверила показания дозиметра на наруче. Фон повышен, но жить можно. Пока.

Она шла уже шестнадцатый час подряд. Цель — заброшенный ретранслятор связи на вершине хребта Скорбящих. Там могла остаться рабочая солнечная панель. Без зарядки батареи ее винтовка станет бесполезной дубинкой, а вода в фильтрах замерзнет через два дня пути к Северному Перешейку.

Ей нужен был этот рейд. Ей отчаянно нужны были запчаст.

А кольцо осталось внизу. На дне сумки. Рядом с банкой тушенки, срок годности которой истек еще до рождения ее бабки.

Первые три месяца она не снимала его ни на секунду. Даже когда они пробирались через радиоактивное болото, и кожа сходила с рук клочьями, кольцо оставалось на пальце. Кожа почернела от грязи, но не гнила. Она защищала. Однажды огромный когтистый червь выпрыгнул из-под земли. Тварь сбила Дарью с ног, впечатав в ржавый корпус танка. Левая

рука попала прямо под удар сегментированной пасти. Челюсти сомкнулись с силой гидравлических ножниц.

Хруст костей был оглушительным.

Дарья заорала так, что сорвала связки. Боль была белой, абсолютной, выключающей сознание. Она думала, что осталась без кисти. Но когда зрение прояснилось, она увидела, что рука цела. Рукавица куртки была разорвана в клочья, кожаные ремешки разгрузки висели ошметками. Огромные зубы червя соскользнули, не оставив на коже даже царапины. Они увязли в чем-то твердом. Дарья посмотрела на свое кольцо. Дубовая кора стала тверже алмаза. Зубастые сегменты челюстей застряли в ней намертво, и Дарье пришлось выламывать их ножом, рыдая от боли в вывихнутом плече, пока Эйден добивал обезумевшую тварь.

После того случая она начала верить в его безумные сказки о защите.

Потом вера закончилась. Вместе с верой в слова вообще. Это случилось месяц назад, в развалинах Библиотеки. Место считалось чистым — высокие шпили уходили в небо, отводя большинство радиационных облаков. Они искали архивные карты подземных коммуникаций.

Там была засада. Не Лес. Не патрульные Лиги. Люди. Профессиональные охотники за головами из Синдиката. Их возглавлял человек по имени Йорг — бывший офицер контрразведки, чье лицо состояло из сплошных шрамов и титановых имплантов.

Их взяли теплыми, сонными, в одной из служебных ниш. Три иглы с транквилизатором вошли в шею Эйдена одновременно. Для обычного человека это означало бы мгновенный паралич дыхательного центра. Для Эйдена это означало две секунды замешательства. Ровно столько времени потребовалось Йоргу, чтобы приставить вибронож к горлу Дарьи.

— Сложи оружие, функция, — проскрежетал Йорг, проводя лезвием по коже Дарьи. Неглубоко, просто напоминая о хрупкости плоти. — Или твоя маленькая ведьма умрет быстрее, чем ты успеешь открыть портал.

Эйден стоял посреди комнаты. Его синий клинок погас. Сам он пошатывался, синие глаза затягивала мутная пелена интоксикации. Он посмотрел на Дарью. В его взгляде не было паники. Было холодное, математическое вычисление вариантов. Вариант первый: атаковать. Вероятность гибели заложника — семьдесят четыре процента. Вариант второй: подчиниться. Вероятность последующего извлечения — сорок процентов, учитывая репутацию Синдиката по части пыток информаторов.

— Отпусти ее, — голос Эйдена звучал ровно. — Я пойду с вами. Она гражданское лицо. Она не имеет отношения к моему заданию.

У Дарьи остановилось сердце. Воздух застрял в легких. *Не имеет отношения.* Три недели сна в одной палатке. Смех в таверне. Кольцо из коры, пропитанное его кровью. Семнадцать секунд растворения врагов. Все это уместилось в фор-

мулировку «не имеет отношения».

Йорг усмехнулся, обнажив металлокерамические зубы. — Гражданские лица знают слишком много координат. А лишние свидетели плохо влияют на статистику выживаемости отряда.

Лезвие двинулось вправо, готовясь сделать горизонтальный разрез.

Время для Дарьи замедлилось. Она видела каждую пору на лице Эйдена. Видела, как дрожат мышцы на его предплечьях — остаточный эффект транквилизатора боролся с его волей. Он хотел убить их всех. Каждая клетка его существования кричала об убийстве. Но алгоритм побеждал инстинкты. Программа самосохранения ключа требовала оставить агента в живых любой ценой. А ключ не мог функционировать без оператора. Значит, оператор должен выжить. Даже если для этого нужно пожертвовать балластом.

— Эйден, — тихо позвала она.

Он вздрогнул. Впервые за все время их знакомства она услышала в его голосе трещину: — Не сопротивляйся. Я вытащу тебя.

— Знаю, — ответила она. И улыбнулась. Улыбка вышла кривой, страшной. — Про кольцо не забудь. Чтобы собрать пепел, когда они закончат.

В этот момент Йорг нажал сильнее. Нарочно. Проверая решимость.

И тогда Дарья сделала единственное, что могло спасти их

обоих. Она резко, конвульсивно дернула головой вперед, навстречу лезвию. Лоб врезался в переносицу киборга. Металл носа смялся с омерзительным звуком. Йорг взвыл, отшатываясь. Лезвие прочертило кровавую полосу по ключице Дарьи, но горло осталось целым.

Этих трех секунд хватило. Транквилизатор окончательно проиграл битву за нервную систему Эйдена. Синее пламя вспыхнуло в полумраке подвала, освещая бетон призрачным светом. Первого охотника он перерубил пополам вертикально, от макушки до паха, прежде чем тот успел нажать на спусковой крючок дробовика.

Бой длился меньше минуты. Эйден был страшен. Он не сражался — он редактировал реальность, удаляя из нее мешающие переменные. Когда последний наемник рухнул на пол с перерубленным позвоночником, наступила тишина.

Эйден стоял над грудой тел. Его грудь тяжело вздымалась. Плащ дымился. Синий клинок капал на бетон дымящейся органикой.

Дарья сидела на полу, зажимая рану на плече. Кровь текла горячо и обильно. Она посмотрела на Эйдена. Он смотрел на нее. В его синих глазах не было облегчения. Была чистая, дистиллированная ярость. Ярость машины, чей периметр безопасности был нарушен.

— Ты идиотка, — сказал он, делая шаг к ней. — Рефлекс удара головой при наличии режущего оружия статистически нелеп. Ты должна была откатиться. — Заткнись, — огрыз-

нулась она. — И помоги встать, у меня кружится голова.

Он подхватил ее на руки. Обычно в такие моменты она обвивала его шею, пряча лицо. Сейчас она лежала в его объятиях, как мешок с картошкой, глядя в потолок.

Когда они отошли на безопасное расстояние и разбили лагерь в вентиляционной шахте, Эйден обработал ее рану. Шов получился аккуратным, идеальным. — Ты нарушила мой прямой приказ, — произнес он, затягивая узел повязки. — Ты отдал меня им, — ответила она, не глядя на него. Голос был пустым. — Сказал, что я не имею отношения.

— Это была тактическая дезинформация, Дарь! — он повысил голос, что случалось крайне редко. — Уровень угрозы составлял девяносто восемь процентов! Я блефовал, чтобы снизить градус агрессии! — Ты не смотрел на меня, когда говорил это, — перебила она. — Ты смотрел на Йорга. Ты считал углы атаки. Ты списал меня со счетов, Эйден. Как использованный расходник.

Повисла пауза. Гудение вентиляции казалось оглушительным.

— Я никогда... — начал он и осекся. Его адамово яблоко дернулось. — Твоя жизнь приоритетна. Всегда. — После твоей, — уточнила она. — А твоя программа говорит, что цель важнее инструмента. Я — инструмент. Отличный, теплый, трахающийся инструмент. Но если для сохранности ключа нужно сбросить балласт за борт — балласт идет ко дну. Я поняла правила игры.

Она попыталась встать, но ноги подкосились. Кровопотеря брала свое. — Помоги мне лечь, — попросила она.

Он уложил ее на спальник. Укрыл термоодеялом. Сел рядом, дежуря всю ночь. Но той близости, что была между ними раньше, больше не существовало. Она отодвинулась к самому краю узкого ложа, создавая дистанцию, которую невозможно измерить линейкой.

На рассвете, когда Эйден ушел проверить периметр, Дарья села. Плечо отозвалось вспышкой боли. Она полезла в сумку. Достала кольцо. Повертела его в пальцах. Дерево было теплым. Внутри, под корой, жил слабый красный огонек — пульсация его крови, синхронизированная с его сердцем где-то там, снаружи. Он жив. Он ждет сигнала. Защита работает безупречно.

Она поднесла кольцо к лицу. Старая кора пахла прелыми листьями и свободой. Свободой от иллюзий.

— Хорошая защита, — прошептала она кольцу. — Только защищает он не меня. Он защищает свои инвестиции. Свою возможность вернуться домой. А я... я просто очень дорогой поводок.

Ее большой палец нашел стык волокон. То место, которое он показал ей тогда, у дуба. Точка структурного напряжения.

— Семнадцать секунд, значит, — горько усмехнулась она. — Интересно, хватит ли этого времени, чтобы сказать «я тебя ненавижу»?

Она сжала пальцы. Дерево затрещало. Это был сухой, от-

четливый звук ломающейся судьбы. Кольцо рассыпалось в ее ладони мелкой черной трухой и щепками. Красная искра внутри мигнула в последний раз и погасла.

Связь прервалась. Маяк замолчал. Где-то далеко, возможно, Эйден вдруг остановился посреди шага, схватившись за грудь, ощутив фантомную боль разрыва реальности. Пусть. Пусть побудет в ее шкуре. В шкуре брошенного человека.

Дарья высыпала остатки кольца на землю. Взяла горсть пыли, растерла между пальцами. Пальцы стали черными.

Она убрала руку. Больше ничто не соединяло ее с тем днем у старого дуба. Никакой магии. Никакой защиты. Никакой любви, пытающейся выдать себя за биомеханический симбиоз.

Только холодный расчет выживальщика.

Сейчас, стоя на гребне холма и глядя на мигающий красным датчик термометра, Дарья сунула руку в карман. Нашла пустой мешочек из-под тысячи листников. Мешочек был легким. Слишком легким.

Она вспомнила, как смеялась тогда. Искренне, счастливо, запрокинув голову к небу. Вспомнила вкус дешевого эля на его губах, смешанный с запахом ее розмарина. Вспомнила, как верила, что деревянная игрушка может остановить равнодушие Вселенной.

Любовь оказалась просто грамотно настроенным датчиком жизненных показателей. Тепло — побочным эффектом экзотермической реакции чуждых друг другу биологических

видов. А кольцо из коры — высокотехнологичным электронным браслетом заключенного, который искренне верит, что это красивое украшение.

— Дерьмо собачье, — процедила она сквозь зубы, отворачиваясь от ветра.

Впереди, в низине, виднелись руины нефтеперерабатывающего завода. Там была еда. Там были медикаменты. Там не было никаких гарантий безопасности, никакого синего огня, приходящего на помощь, и никаких сказок о вечности.

Только она, ее винтовка и пустота на месте кольца.

Дарья поправила лямку рюкзака, привычным жестом подтянув повыше сползавший вес припасов. Палец машинально потер зудящую кожу на безымянном пальце. Мозоль. След от идеальной формы. Тело помнило тяжесть дерева, хотя разум давно принял решение.

Первый шаг вниз по склону дался тяжело. Сухой снег проваливался под ногами. Каждый шаг отзывался болью в пояснице.

— Не умирай чаще раза в неделю, — пробормотала она себе под нос старую шутку, пытаясь разрядить свинцовую атмосферу в собственной голове. Вышло жалко.

Где-то глубоко под слоями одежды, на самом дне сумки, придавленная тяжелой банкой тушенки, лежала горсть черной пыли. Все, что осталось от её первого шага в любовь. Великолепная, смертоносная, абсолютно надежная пустота.

Глава 4. Дождь, который смыл всё

Память — это ржавчина. Она не просто разъедает прошлое, она меняет его химический состав, превращая золото в труху, а чистую боль — в глухую, ноющую обиду. Дарья стояла под навесом заброшенной автозаправки, глядя на стену воды, и чувствовала, как этот дождь вымывает из нее последние остатки тепла.

Вода лилась с неба сплошным вертикальным потоком уже третьи сутки. Это был не обычный сезонный ливень Пустошей, несущий радиацию и пепел сгоревших городов. Небо прорвалось настоящим океаном. Глинистая почва превратилась в вязкое болото, способное засосать ботинок по самую голень за минуту. Ручьи, текущие вдоль старого шоссе, вспухли, грозя снести хлипкие мосты.

Они сидели здесь уже второй день. Старый пластиковый навес гудел и вибрировал от ударов капель, создавая монотонный белый шум, сводящий с ума. В воздухе пахло озоном, мокрым бетоном и безнадеей.

Эйден сидел на перевернутом ящике у дальней стены. Он не двигался уже час. Просто смотрел на косые струи воды сквозь пустой дверной проем. Его плащ лежал рядом, сухой, но сам он был пропитан влагой насквозь. Вода стекала с кончиков его волос, капала с острого подбородка на воротник куртки, собираясь в лужицу под ногами. Но ему было все

равно. Терморегуляция его модифицированного тела позволяла игнорировать переохлаждение, которое давно бы убило обычного человека пневмонией.

Дарья куталась в два слоя термоодеяла. Зубы стучали. Не от холода — от страха. Страх висел между ними плотной пеленой, такой же густой, как туман снаружи.

— Они вышли на связь десять минут назад, — произнес Эйден, не оборачиваясь. Его голос звучал глухо, искаженный пластиком навеса. — Северный Форт пал. Гарнизон Лиги вырезан полностью. Теперь там только Лес. И они движутся к Перешейку.

Дарья сжала края одеяла так, что побелели костяшки. К Перешейку. Там была последняя баррикада человечества. Там были дети. Там были люди, которые давали им кров, когда у них кончились патроны три недели назад.

— Значит, мы идем туда, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У тебя есть твой синий нож. Ты пройдешь сквозь их ряды, как раскаленный гвоздь сквозь масло. Мы предупредим их. Успеем заминировать проходы.

Эйден медленно повернул голову. Капля сорвалась с его ресницы и упала на бетон. В полумраке заправки его глаза светились тем самым опасным ультрамарином, но сейчас в этом свечении не было магии. Была холодная пустота вычислительной машины. — Нет, — сказал он. — Туда иду я. Один. Портальный переход заблокирован атмосферными помехами. Мне придется идти пешком через Долину Шепо-

тов. Это займет двенадцать часов. Я буду там к закату. Вырублю ретранслятор Леса на холме. Их координация распадется. Этого времени хватит, чтобы гражданские эвакуировались на Юг.

Слово «гражданские» ударило Дарью по лицу сильнее, чем пощечина. — А я? — спросила она очень тихо. — Какова вероятность выживания гражданского лица номер два?

Он выдержал паузу. Слишком долгую для любящего мужчины. Достаточно короткую для офицера связи. — Вероятность твоего выживания при сопровождении меня составляет сорок процентов. Вероятность твоего выживания, если ты останешься здесь, в этой точке, под защитой периметра сил Лиги, оставшихся в тылу — восемьдесят пять процентов. Математика проста, Дарь. Ты остаешься.

Тишина, повисшая после этих слов, была оглушительнее шума дождя. Дарья смотрела на идеальный профиль своего мужа — на линию челюсти, на тонкий шрам над бровью, на то, как капли воды скатываются по его шее, исчезая под воротником. Она пыталась найти в нем того мужчину, который плел ей кольцо из дуба. Искала следы той ночи в «Пьяном грифоне», где тени сливались воедино.

Там ничего не осталось. Только функция.

— Восемьдесят пять процентов, значит, — ее губы исказила горькая усмешка. — А твои шансы в Долине? Напомни мне статистику встречи с Древесными Тенями в одиночку.

— Двадцать семь, — ответил он мгновенно. — Если дви-

гаться со скоростью шесть километров в час и использовать рельеф. Если они выставят патруль высшего ранга — пятнадцать.

— Пятнадцать! — Дарья сбросила одеяло. Холод впился в кожу тысячей иголок. — Ты ставишь свою жизнь на пятнадцать процентов! Ради людей, которых даже не знаешь! Людей, которые завтра же продадут тебя Лиге, если узнают, кто ты!

Она вскочила, подошла к нему вплотную. От него пахло дождем и стерильным металлом. Запах смерти. — А моя жизнь, получается, стоит стабильных восьмидесяти пяти? Потому что я — удобный рюкзак? Или потому что я слишком громко кричу, когда меня режут, и мешаю тебе вычислять траекторию отхода?

— Потому что ты человек! — вдруг рывкнул он, резко разворачиваясь на ящике. Деревянная конструкция скрипнула. — Потому что твоя смерть будет окончательной! Понимаешь?! Для тебя нет резервной копии! Нет следующего носителя! Когда лезвие войдет тебе под ребра, ты станешь гниющим мясом, Дарь! Красивым, теплым, мертвым мясом! А я... я соберу свои атомы обратно через неделю! Какое право ты имеешь требовать, чтобы я рисковал вечностью ради твоей жалкой, хрупкой смертности?!

Он кричал. Впервые за полгода знакомства Эйден повысил голос до крика. Звук отразился от стен заправки, заставив дрогнуть старую вывеску «Лукойл». Космический убий-

ца, агент высших сфер, стоял перед ней, тяжело дыша открытым ртом, и в его глазах плескался первобытный ужас. Ужас потери.

Но Дарья была слишком зла, чтобы оценить эту жертву.

— Жалкой?! — прошипела она, брызжа слюной. — ЖАЛКОЙ?! Да пошел ты к черту со своей вечностью, Эйден! Что толку от твоей вечности, если в ней нет меня?! Ты считаешь мои кости, мой пот, мою кровь несовершенством! Ошибкой природы! А я считаю это жизнью! Я чувствую, как болит порезанный палец! Я чувствую вкус этого проклятого дождя! Я хочу прожить эти чертовы сорок лет до конца, зная, что проснусь утром и увижу твою кислую рожу, а не рассыплюсь радиоактивным пеплом, пока ты будешь искать себе новое тело в другом секторе галактики!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.